

МАРИНА ПОВАРНИЦЫНА
(Венгрия, Печ)

Проявление межъязыковой интерференции в речевых ошибках венгерских студентов: выражение посессивных отношений

Аннотация: В статье рассматриваются грамматические ошибки, связанные с выражением посессивных отношений в русской письменной речи студентов с родным венгерским языком. Различия в структуре выражения посессивных отношений в двух языках – отсутствие лично-притяжательной суффиксации имён, показателя абсолютного обладания, ограниченная по сравнению с русским сфера употребления венгерских притяжательных местоимений являются базой для интерференции и возникновения следующих ошибок: избыточное употребление притяжательного местоимения, неразличение значения обладания и принадлежности, ошибки в выборе средств посессивности при выражении процессуальности и локативности, избыточное употребление несогласованного определения-обладателя в форме родительного падежа. Выявление типичных ошибок имеет целью их своевременное предупреждение, а также разработку системы упражнений для их исправления.

Ключевые слова: межъязыковая интерференция, внутренняя интерференция, русский как иностранный, венгерский язык, речевая ошибка, категория посессивности

Предметом изучения в настоящей статье являются проявления межъязыковой интерференции при контакте венгерского и русского языков, а точнее, ошибки в письменной русской речи студентов с венгерским родным языком. Речевая ошибка как «отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм» (АЗИМОВ 2009: 182) представлена главным образом двумя типами: межъязыковые ошибки, связанные с влиянием родного языка на изучаемый, так называемый перенос; внутриязыковые ошибки («ошибки развития») (БАЛЫХИНА 2008: 52). Иными словами, возникновение ошибок при овладении иностранным языком объясняется межъязыковой и внутриязыковой интерференцией, кроме того, ошибки могут быть обусловлены причинами дидактического характера.

Под интерференцией при изучении иностранного языка мы понимаем, вслед за Э.Г. Азимовым и А.Н. Щукиным, воздействие системы родного языка на изучаемый язык в процессе овладения им (АЗИМОВ 2009: 87).

Интерференция проявляется в отклонениях от нормы и системы иностранного языка под влиянием родного и/или первого иностранного языка.

Внутриязыковая интерференция становится возможной, когда обучающийся уже приобрёл определённый опыт в изучении языка, поэтому, опираясь на уже усвоенные знания и приобретённые навыки, переносит их на новые языковые явления, в результате чего возникают ошибки. Причиной внутриязыковой интерференции, таким образом, являются ассоциативные связи, которые формируются в сознании учащегося на базе изучения русского языка. Явление внутренней интерференции свойственно всем этапам изучения языка и универсально, так как не зависит от родного языка обучающегося.

Межъязыковая интерференция возникает в силу существования различий в системах родного и изучаемого языков и имеет место на уровне значения и употребления. На всех этапах изучения языка возникают ошибки в результате межъязыковой интерференции, которой более всего подвержены грамматика и синтаксис. Традиционно выделяются следующие типы ошибок, обусловленные интерференцией (см., например, БАЛЫХИНА: URL):

- недодифференциация – несоблюдение дифференциального признака в изучаемом языке ввиду его отсутствия в родном языке (несоблюдение правил употребления местоимения *свой*, неразличение глаголов движения по признаку способа действия, грамматическое и семантическое неразличение одушевлённых/неодушевлённых имён);
- свёрхдифференциация – перенос дифференциального признака из родного языка или первого иностранного в изучаемый при отсутствии этого признака в нём (перенос инфинитивных конструкций венгерского языка в русский: *мы вчера были плавать* *tegnap voltunk úszni¹; избыточное употребление притяжательных местоимений: *я мою мои руки* *a kezemet mosom);
- реинтерпретация дифференциальных признаков – замена дифференциального признака иностранного языка дифференциальным признаком родного или первого иностранного языка (употребление предлога *на* в винительном и предложном падеже вместо *в* под влиянием венгерских суперессива и сублатива: *я учусь на университете* (*egyetemem tanulok), *мы идём на молочный отдел* (*tejtermék-részlegre megyünk).

В данной статье мы остановимся на одном типе ошибок, вызываемых межъязыковой интерференцией, а именно, ошибках выражения значения посессивности в русском языке. Этот тип ошибок относится к ошибкам

---

¹ Здесь и далее знаком * обозначается гипотетический вариант высказывания.

сверхдифференциации, поскольку в русском языке имеется меньше средств выражения категории, чем в родном языке учащихся. Специфика выражения категории притяжательности в венгерском языке обуславливает ошибки в употреблении притяжательных местоимений и притяжательной конструкции *у кого есть что*. Система средств выражения принадлежности в широком смысле в венгерском языке представлена в классификации М. Варги, которая показывает, что посессивность выражается на разных уровнях языка:

- морфемном: лично-притяжательная суффиксация; посессивный показатель *-é (birtokjel)*²;
- на уровне словосочетания: притяжательная определительная конструкция: прономинальная *az én házam, az ő háza*; номинативная *házatető, a ház teteje, a ház(nak a) teteje, teteje a háznak*;
- синтаксическое посессивное отношение: *Kovácséknaк van nyaralójuk, Nekem van autóm*;
- семантическое посессивное отношение: конструкции с выражающими притяжательность/притяжательными прилагательными *piros tetős ház, kék szemű lány, elnöki beszéd, családtalan ember*, или с синонимичными им грамматическими неизменяемыми элементами (VARGA: URL).

К.Е. Майтинская, сравнивая структуры двух языков, указывает, что лично-притяжательные суффиксы (окончания, по терминологии Майтинской) играют исключительно важную роль для выражения отношений между обладателем и обладаемым, которые в русском языке выражаются родительным падежом и притяжательными местоимениями в роли определения. Таким образом, лично-притяжательные суффиксы соответствуют двум категориям русского языка – родительному падежу и притяжательным местоимениям (МАЙТИНСКАЯ 1955: 111). Лично-притяжательные формы существительных в венгерском языке употребляются значительно чаще, чем русские притяжательные местоимения, при этом некоторые группы лексики практически обязательно употребляются с лично-притяжательными окончаниями: части тела и душевные переживания, термины родства, названия предметов одежды, названия городов (МАЙТИНСКАЯ 1955: 118).

Значение посессивности в русском языке «характеризуется бинарной структурой, обусловленной двумя типами посессивных функций,

---

² E. Gaál к морфемам причисляет также притяжательные местоимения, так как «их формы – *enyém, tied, övé; mienk, tietek, övék* – с точки зрения синхронии единые, неделимые, что обуславливает их рассмотрение на уровне морфемы» (GAÁL 1978: 17); И. Пете называет их предикативно-притяжательными местоимениями *'állítmányi funkcióban használatos birtokos névmások'* (ПЕТЕ 1988: 322).

которым соответствуют определенные типы языковых средств: атрибутивные и предикативные конструкции» (БОНДАРКО 1996: 99).

Предикативная конструкция образуется по модели «у кого есть что». Предикативные конструкции выражают значение обладания, т. е. обладатель представлен как «сфера субъекта», к которой относится наличие предмета.

В состав атрибутивной конструкции для обозначения обладателя входят притяжательные и возвратные местоимения³, притяжательные прилагательные типа *мамин, дядин, отцов*, а также существительные в форме родительного падежа. Атрибутивная конструкция выражает значение притяжательности и, в отличие от предикативных посессивных конструкций, обычно нейтральна по отношению ко многим релевантным для категории посессивности признакам – таким, как отторжимость/неотторжимость объекта обладания (мой дом / моя рука), одушевленность/неодушевленность (голова мужчины / крыша дома) (ЧИНЧЛЕЙ 1996: 104). Поскольку у атрибутивных притяжательных конструкций отсутствует какая-либо спецификация, они способны выражать более широкий спектр реляционных отношений, ср. конструкция *его доктор* может относиться и к лечащему врачу, и к знакомому доктору, и к доктору, о котором только что шла речь (пример ЧИНЧЛЕЙ 1996: 104). Важно отметить также, что атрибутивные посессивные конструкции выполняют в тексте дейктическую, анафорическую, связующую и другие функции.

Различия в структуре выражения посессивных отношений – отсутствие лично-притяжательной суффиксации имён, показателя абсолютного обладания, ограниченная по сравнению с русским сфера употребления венгерских притяжательных местоимений являются базой для интерференции и возникновения ошибок.

Материалы письменных работ студентов с родным венгерским языком (элементарный и базовый уровень) показывают, что на начальном этапе межъязыковая интерференция, обусловленная различием в выражении значения посессивности, проявляется в следующих видах ошибок: избыточное употребление притяжательного местоимения, неразличение значения обладания и принадлежности, ошибки в выборе средств посессивности при выражении процессуальности и локативности, избыточное употребление несогласованного определения-обладателя в форме родительного падежа.

Ошибка первого типа встречается в таких контекстах, в которых в венгерском, как правило, существительное употребляется с лично-притяжательным суффиксом для выражения притяжательности. В русском языке обычно из контекста ясно, кому принадлежит предмет, поэтому

---

³ В настоящей статье ошибки, связанные с употреблением возвратного местоимения *свой*, не рассматриваются.

употребление притяжательного местоимения не требуется: ср. *вчера весь день болела моя голова* (*tegnap egész nap fáj a fejem), *я мою мои руки и лицо* (*mosom a kezem és az arcom⁴), *Иногда я занимаюсь в моём свободном времени* (*...szabad időmben); *мужчина держит рыбу в его руках* (*a férfi a kezében tartja a halat); *я не могла выслать мою работу* (*nem tudtam elküldeni a dolgozatomat), *в моей рецензии я напишу о первой серии учебника* (*a recenziómban...), *Она живёт с её сыном* (*a fiával lakik); *главный герой найден с волосами мёртвой девушки в его руке* (*a főszereplőt a halott lány hajával a kezében találtak meg). По утверждению А. Гуськовой, в венгерском языке посессивы в подобных позициях (особенно в значении части целого) используются избыточно, их употребление семантически ослаблено и фактически формально (ГУСЬКОВА 2012: 38), однако не следует искать подтверждения этого факта в отсутствии притяжательных местоимений в русских эквивалентах, как это делает автор. Приведенные примеры неоднозначны по типу посессивного значения, но во всех существительное с притяжательным местоимением попадает в сферу управления личной формы глагола, поэтому при работе над ошибками необходимо заострить внимание, во-первых, на лице субъекта действия и личной принадлежности объекта (или иного распространителя), во-вторых, на месте логического ударения в высказывании. Так, в предложении «*мужчина держит рыбу в его руках*» субъект действия мужчина, а руки – его неотторжимая принадлежность, акцент в предложении на пространственном положении рыбы – она у мужчины, а не на прилавке. Таким образом, притяжательное местоимение здесь не нужно (не говоря о том, что оно выбрано ошибочно даже в случае необходимости логически подчеркнуть принадлежность). В предложениях, где обладаемое занимает позицию дополнения, можно предложить произвести трансформацию лица притяжательного местоимения (где позволяет семантика предиката): *я мою мои руки* – *я мою его руки*, *она живёт с её сыном*⁵ – *она живёт с вашим сыном* и показать, что отсутствие местоимения при обладаемом является маркированным, по сути дела, это нулевой показатель принадлежности субъекту высказывания. Необходимо местоимение только в том случае, если субъект предложения и обладатель не совпадают.

Другой тип ошибки связан с выбором средства выражения посессивности – притяжательного местоимения или конструкции *у кого есть что*.

⁴ В данном случае мы приводим в качестве гипотетического высказывание с лично-притяжательными формами существительных, однако, по свидетельству информантов, практически так же частотны выражения без лично-притяжательной суффиксации: *kezet mosok, arcot mosok*.

⁵ В этом примере можно усмотреть ошибку, связанную с употреблением местоимения *свой*, но контекст указывает на другое значение высказывания – *у неё есть сын*.

Учебники РКИ обычно вводят эти грамматические темы именно в таком порядке: сначала даются формы притяжательных местоимений, которые на начальном этапе удобны для демонстрации согласования адъективов с субстантивами в роде, числе и падеже, а затем конструкцию *у кого есть что*. Для тренировки употребления обоих средств даются упражнения на трансформацию: *У меня есть вопрос. – Это мой вопрос* или *Где моя шапка? – Она у тебя на голове.* (примеры из ЧЕРНЫШОВ 2008: 40, 53). На элементарном уровне главной целью таких упражнений является формирование навыка использования синонимичных средств языка, на семантическое различие конструкций не обращается внимание. В предложении *У меня есть вопрос* акцент делается на обладателе (у меня) как сфере субъекта, о чём уже говорилось выше, а в предложении *Это мой вопрос* в фокусе оказывается обладаемое со значением притяжательности. В дальнейшем именно это различие может стать источником ошибки.

Конструкция с притяжательным местоимением в таких примерах: *Его волосы очень короткие, Её волосы длинные и гладкие, её лицо ровное, а её глаза голубые; Мой обеденный перерыв короткий; ...в семье тоже их сын* *вм. а ещё у них в семье есть сын* – как раз подчёркивает, что в фокусе высказывания находится обладаемое со значением притяжательности, хотя цель говорящего выразить обладание предметом, представить его входящим в «сферу субъекта», то есть правильно было бы выбрать модель *у кого есть что*.

Модель *у кого есть что*, по мнению Л.В. Красильниковой, стилистически нейтральна, а её использование вызывает трудности у тех учащихся, у которых в родном языке «преобладает номинативный тип высказывания, т. е. семантический субъект выражается именительным падежом, что приводит к построению ошибочных высказываний типа *Моя память плохая» (КРАСИЛЬНИКОВА 2009: 353). В венгерском языке семантический субъект - обладаемое выражается именительным падежом с лично-притяжательным окончанием, а обладатель выражается формой имени с показателем принадлежности *-nak/-nek*⁶ *valakinek van*

---

⁶ Грамматики венгерского языка по-разному трактуют категориальный статус морфемы *-nak/-nek*: в одних грамматиках она называется притяжательным показателем или дательным падежом, обозначающим обладание (*birtoklást kifejező részeshatározó*), то есть считается формантом дательного падежа (KIEFER: URL; FERENCZY 1996), в других выделяется как отдельный падеж – родительный со значением «посессивное определение» (*birtokos jelző*, BOKOR 2007: 287), подробный обзор точек зрения родительный vs дательный приводится в Gaál (1978: 48-50). В «Сопоставительной грамматике венгерского и русского языков» А.П. Гуськовой также в списке падежей дважды приводится прилепа *-nak/-nek* – для родительного и дательного падежа, однако при описании категории притяжательности автор последовательно определяет её как морфему дательного падежа (ГУСЬКОВА 2012).

valamije, дословно *у кого есть его что-то. При построении бытийных высказываний по модели *у кого есть что* у студентов практически не возникает трудностей, объяснение параллельных конструкций в двух языках не вызывает (или крайне редко) даже избыточного употребления притяжательного местоимения перед обладаемым. Несмотря на это, при объяснении русской конструкции *у кого есть что* нужно чётко разграничить два различных падежных значения формата *-nak/-nek* в венгерском языке – значение посессивного определения и адресата, чтобы в дальнейшем при введении дательного падежа избежать возможных ошибок смешения двух русских падежей.

Структурные отличия атрибутивных посессивных конструкций с обладателем-именем существительным в двух языках – различный порядок следования компонентов конструкции – казалось бы, должны представлять особую трудность для учащихся. Однако, как показывает практика, это структурное различие хорошо усваивается на элементарном уровне, а ошибка типа *Для гостей они купили подарки в сладостей отделе* (**a vendégeknek az édesség részlegben vettek ajándékokat*) – практически единичный случай интерференции этого вида. При правильном порядке следования компонентов притяжательной конструкции чаще всего образуется ошибочное высказывание с избыточными элементами, ср.: *Детям 6 лет...Отец работает на заводе, ... мама детей* (*a gyerekek anyja) *работает в магазине; ...на диване внучка Река. Мать детей* (**a gyerekek édesanyját*) *зовут Анна, отец детей* (**a gyerekek édesapja*) *Александр*. Эти примеры – из описания рисунка, на котором представлена вся семья, причем о детях уже сказано раньше. Нормальным было бы употребление конструкций с притяжательным местоимением в дейктической функции – *их мать, их отец*. Такую ошибку нельзя объяснить только влиянием родного языка, скорее, стремлением точно образовать форму, как в правиле, при этом нарушается синтаксическая правильность высказывания.

Необходимо заметить, что на элементарном (и базовом) уровне не имеет смысла разграничивать значения конструкций с родительным падежом (родительный обладателя, источника происхождения, производителя действия, объекта действия и др.), поскольку со структурной точки зрения всем им будет соответствовать притяжательная конструкция венгерского языка с лично-притяжательной суффиксацией обладаемого, а семантически разграничить значения на этом уровне довольно сложно. Однако, на отношения части и целого следует обратить внимание, так как значение принадлежности тесно связано, по мнению М. Шелякина, со значением предмета, из которого выделяется принадлежащая ему часть, в расширенном понимании (ШЕЛЯКИН 2001: 40). Кроме того, партитивное значение не всегда в русском языке можно выразить словосочетанием с родительным падежом. М. Панов писал, что «язык знает, из каких частей

состоит называемый предмет. И этим определяется возможность определенных конструкций с род. падежом. Но возможно движение и в другую сторону: зная, какие конструкции с род. падежом отвечают норме, на этом основании определить, как язык обрисовывает объект, что он считает составными его частями» (ПАНОВ 1999: 207). Так, при возможных словосочетаниях *вода озера, струи озера, омуты озера, берега озера, камни озера* невозможно сочетание *рыбы озера*. Правильным является *рыбы в озере*, а если их поймали, то *рыбы из озера* (примеры М. Панова). То есть в этом случае, а также в примерах *беседка сада, камин дома, ключи шкафа*, язык определяет, что он считает частью целого, а что нет. И если мы отталкиваемся от русского языка как родного, это знание помогает зафиксировать некоторые элементы языковой картины мира, но если исходить нужно из родного иностранного языка, эта система не работает. Ошибки студентов как раз демонстрируют слабое звено в системе генетивных словосочетаний: *Два человека подошли к входу музея* (*a múzeum bejáratához) вм. *к входу в музей*; *официантка стоит у входа кафе* (*az étterem bejátánál) вм. *у входа в кафе*; *...а если он не нашёл, он может попросить помощи продавца* (*az eladó segítségét kérne) вм. *попросить помощи у продавца* (что, безусловно, определяется особенностью глагольного управления). В приведённых примерах в качестве обладаемого выступает отглагольное существительное, и, как показывает язык, такие денотаты обладают достаточной самостоятельностью, с грамматической точки зрения не являются частями целого и тесно связаны со значением локализованности. Следует обращать внимание учащихся на ограниченность сочетаемости существительных в конструкциях указанного типа, особенно когда они семантически сходны с партитивными. Для этого, а также для обучения работе со словарями можно предложить небольшое исследование: выяснить, в каких словосочетаниях слово, например, *текст* может выступать как обладатель и как целое по отношению к части, а затем сравнить полученные словосочетания с данными словаря сочетаемости. В результате студенты увидят, что с существительными *начало, конец, строка, слова, перевод, содержание, автор* и т. д. образуются словосочетания с генетивным атрибутом (*начало текста, конец текста, строка текста* и т. д.), но сочетания *ошибка текста, рисунки текста, опечатка текста* – невозможны, правильно: *ошибка, рисунки, опечатка в тексте*; *отрывок – из текста, примечание, вопросы – к тексту, упражнения – по тексту* (см. Словарь сочетаемости слов русского языка). Такая работа способствует пополнению лексического запаса учащихся, активизирует навыки работы со специальной литературой, а также побуждает студентов сознательно подходить к сравнению языковых фактов двух языков, а не механически подставлять заученные грамматические формулы.

Значение посессивности, как мы уже видели, обычно не является изолированным, оно выступает «в непосредственной координации с другими содержательными компонентами высказывания, образуя с ними связанные смысловые комбинации» (НИКОЛАЕВА 1983: 74). Конструкции с синтаксемой *у кого* могут иметь разного рода распространители – с качественным (*У него прекрасный дом*), количественным (*У него шесть пальцев на ноге*) и процессуальным значением. При наличии распространителей субъект, обозначенный родительным падежом с предлогом *у*, представлен, по мнению К.Г. Чинчлей, «как «обладатель» события (в широком понимании), происходящего с его собственностью, непосредственно касающегося его самого. Подобные высказывания могут строиться либо по посессивному образцу (процессуальный признак выражен отглагольным существительным), например, *У меня ужасная головная боль*, либо при помощи иных предикатов, ср. соответственно: *У меня ужасно болит голова*» (ЧИНЧЛЕЙ 1996:115).

Именно в конструкциях последнего типа с синтаксемой *у кого* и с процессуальным распространителем возникают ошибки в выборе средства выражения посессивности ср.: *мои уроки начинаются в 8 часов* (**az óráim 8 órákor kezdődnek*) или с несогласованным определением – *занятия Романа начинаются в 8 часов* (**Román órái 8 órákor kezdődnek*), *мой компьютер не работает* (**nem működik a számítógépem*), *поэтому я могу написать контрольную по телефону, мой ноутбук сегодня сломался* (**ma elromlott a notebookom*). В подобных примерах возможна замена глагольного словосочетания на отглагольное существительное: *начало уроков, поломка компьютера*, и если эта операция успешна, то предложение следует трансформировать в посессивное – *У меня уроки начинаются в 8 часов, У меня сломался ноутбук*.

Посессивные высказывания часто рассматриваются в сравнении с локативными, т. е. речь идет о параллелизме предложений с категориальным значением пространственности (локализации) и посессивности, но не о сводимости их друг к другу. В состав высказываний с локативным значением также может входить синтаксема *у кого*: *Книга лежит у меня на столе*, а также пространственные локализаторы направления: *Я положил книгу к себе на стол* (здесь нас интересуют только локализаторы, связанные с выражением посессивности). Как отмечает Л.В. Красильникова, такие несогласованные определения, выраженные предложно-падежными группами с оттенком принадлежности, характерные для русской разговорной речи, представляют особую сложность для иностранцев (Красильникова 2009: 353). Высказывания указанного типа В.Г. Гак относит к примерам, в которых локализатор выражен дважды: «одно обстоятельство уточняет другое, нередко обозначая его часть» (ГАК 1996: 19). Иными словами, в предложении *Книга лежит у меня на столе* первое

обстоятельство места – у меня – означает целое, более широкое понятие, а второе – на столе – указывает на часть целого. По словам В.Г. Гака, «если оба локализатора выражены именной частью речи (существительным, местоимением), то между ними обычно обнаруживается определительное отношение. Один из них (обычно тот, который указывает на целое, на более широкое понятие) может быть заменен определением (без ущерба для общего смысла высказывания, но, разумеется, с учетом стилистических оттенков)» (ГАК 1996: 19), то есть, при трансформации получаем высказывания, построенные по посессивному образцу, где локализатор (один из двух) выражается притяжательным местоимением: *Книга лежит на моём столе; Я положил книгу на свой стол.*

Предложениям с локализаторами (с притяжательным местоимением и с синтаксемой у кого) – *Книга лежит у меня на столе* и *Книга лежит на моём столе* – соответствует венгерское предложение *A könyv az asztalomon van*, где обладаемое имеет лично-притяжательный суффикс. Однако, в зависимости от контекста первое из них может быть переведено и личным местоимением в форме адессива: *A könyv nálam* (т. е. дома/ там, где я нахожусь) *van, az asztalon.*⁷ То есть оба варианта русского предложения находят соответствия в венгерском, но несмотря на это, учащиеся отдают предпочтение высказыванию, построенному по посессивному типу. Эта ситуация, на наш взгляд, близка к явлению скрытой интерференции, однако не равна ей совершенно, так как, по определению С.П. Розановой, при скрытой интерференции «обучаемый, познакомившись с какими-то правилами или явлениями русского языка, которым нет соответствий в родном или первом иностранном языке (курсив наш, М.П.), избегает употреблять их в своей речи на русском языке» (РОЗАНОВА 2015:77). Упражнения на трансформацию предложений с посессивными локализаторами имеет смысл предлагать студентам на базовом уровне, когда они уже достаточно подготовлены к восприятию стилистических особенностей русской речи.

Как видим, межъязыковая интерференция при выражении посессивных отношений, несмотря на структурные различия венгерского и русского языков, имеет избирательный характер действия: она не затрагивает такие структурные элементы, как образование генетивной конструкции или соотношение русского притяжательного местоимения лично-притяжательной суффиксации имён в венгерском языке. Напротив, выбор правильного средства выражения обладания или притяжательности, в особенности если посессивность осложнена такими значениями, как локативность, процессуальность, партитивность, вызывает трудности и порождает речевые ошибки. Стремление правильно, без ошибок построить высказывание приводит иногда к действию по пути наименьшего

---

⁷ Перевод примеров сделан информантом.

сопротивления, то есть по пути выбора хорошо знакомой, более простой формы. Такие высказывания, близкие к скрытой интерференции, обедняют русскую речь учащихся. Сопоставительное рассмотрение категории в двух языках позволяет своевременно выявить фокусные точки межъязыковой интерференции и разработать специальный комплекс сопоставительных заданий и упражнений для исправления и предупреждения возможных ошибок.

Литература

- АЗИМОВ Э.Г., ЩУКИН А.Н. (2009) Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: Издательство ИКАР, 2009.
- БАЛЫХИНА Т.М. (2007) Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов. Москва: Изд-во РУДН, 2007. <https://rukovodstvo.ru>
- БАЛЫХИНА Т.М., ГОРЧАКОВА Н.Ю., ДЕНИСОВА А.А. (2008) Лингвокультурологический методический словарь. Москва: РУДН, 2008.
- БОНДАРКО А.В. (1996) Посессивность. Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Под ред. А.В. Бондарко. Санкт-Петербург: «Наука», 1996. 99–100.
- ГАК В.Г. (1996) Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Под ред. А.В. Бондарко. Санкт-Петербург: «Наука», 1996. 6–27.
- ГУСЬКОВА А.П. (2012) Сопоставительная грамматика венгерского и русского языков: Учебное пособие. Москва: Изд-во МГУ, 2012.
- КРАСИЛЬНИКОВА Л.В. (2009) Выражение принадлежности // Книга о грамматике. Русский язык как иностранный. Под ред. А.В. Величко. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2009.
- МАЙТИНСКАЯ К.Е. (1955) Венгерский язык. Часть 1. Введение. Фонетика. Морфология. Москва: Изд-во АН СССР, 1955.
- НИКОЛАЕВА Т.М. (1983) Иерархия категориальных корреляций посессивности в рамках высказывания и приименного словосочетания // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. Тезисы совещания. Москва, 1983.
- ПАНОВ М.В. (1999) Позиционная морфология русского языка. Москва: Наука – Школа «Языки русской культуры», 1999.
- ПЕТЕ И. (1988) Морфология русского языка в сопоставлении с венгерским. Будапешт: Танкёньвикиадо, 1988.
- РОЗАНОВА С.П. (2015) Преподавателям РКИ: Сто сорок семь полезных советов: учеб.-метод. Москва: Флинта, 2015.
- СЛОВАРЬ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА. Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. Москва: Русский язык, 1983.
- ЧЕРНЫШОВ С.И. (2008) Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. Санкт-Петербург: Златоуст, 2008.

- ЧИНЧЛЕЙ К.Г. (1996) Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. Под ред. А.В. Бондарко. Санкт-Петербург: «Наука», 1996. 100–118.
- ШЕЛЯКИН М.А. 2001 Функциональная грамматика русского языка. Москва: Русский язык, 2001.
- BOKOR J. (2007) Szófajtan // A magyar nyelv könyve. A. Jászó Anna (szerk.). 8. kiadás. Budapest: Trezor, 2007. 197–253.
- H. VARGA M. (2007) A 'birtoklás' kifejezőeszközei (funkcionális megközelítésben) THL2, 2007. 1-2. sz. http://real-j.mtak.hu/10835/1/THL2_2007_01-02.pdf
- FERENCZY GY. (1996) Orosz nyelvtan és nyelvhasználat. Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1996.
- GAÁL E. (1978) A birtoklás kifejezése a mai magyar nyelvben. Nyelvtudományi értekezések. 97 sz. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1978
- KIEFER F. (2006) Magyar nyelv. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2006. <https://mersz.hu/kiefer-magyar-nyelv>

Cross-linguistic interference in Hungarian students' language mistakes: representation of possessiveness. The article deals with grammatical mistakes associated with representation of possessiveness in the Russian written language of students speaking Hungarian as their native language. There are differences in representations of the possessive relation in two languages such as absence of personal possessive suffixation of names, absence of an indicator of absolute possession, the limited use of the Hungarian possessive pronouns in comparison with the Russian ones. All these form a basis for interference and cause the following mistakes: the excessive use of a possessive pronoun, nondistinction of possession and belonging meanings, wrong choice of the possessive means when expressing procedurality and locality, the excessive use of an incoordinate possessor in the form of the genitive case. Revealing of typical mistakes is aimed at their timely prevention, as well as the development of exercises to correct them.

Keywords: cross-linguistic interference, internal interference, Russian as a foreign language, Hungarian language, language mistake, category of possessiveness